

Александра СОЗОНОВА

«НА ГЛУБИНЕ БЫТИЯ ЗЛА НЕТ...»

Выдержки из переписки
с Г. С. Померанцем и З. А. Миркиной

История моего знакомства с удивительными людьми — философом, правозащитником и культурологом Григорием Соломоновичем Померанцем и его женой, поэтом и мистиком Зинаидой Александровной Миркиной уходит в далекий 1989 год. Сейчас, когда основная часть жизни прожита, оглядываясь назад, могу сказать, что это были самые значимые для меня люди, встреченные на долгом и достаточно насыщенном пути.

Тогда я жила в Москве, училась в престижном вузе и, хотя пора юности миновала (вуз был вторым, первое образование получила в родном Питере), пребывала в том, что можно назвать интенсивным духовном поиском. В кругу моего общения были православные священники и старцы, христианские писатели и экуменисты, теософы и диссиденты. Именно в среде диссидентов впервые услышала произносимое с большим уважением имя — Григорий Померанц — и прочла несколько текстов. Сразу захотелось познакомиться, настолько близко было написанное. Но тогда не решилась. Лишь через четыре года появился повод: членов экуменической общины, в которую входила, пригласили на елку — волшебное действо, сказку, мистерию, творимую ежегодно под Рождество Зинаидой Александровной у себя дома. Там я осмелилась отдать на прочтение только что оконченный автобиографический роман, после чего меня стали приглашать в гости уже и одну, а вскоре незаметно приняли в число «духовных детей». Своих детей у Г. С. и З. А. не было, но их всегда окружала молодежь и люди постарше, ищущие, творческие, привлеченные теплом, светом, мудростью, к которым они относились как к родным: вникали в проблемы и беды, пытались помочь, поддержать. В письмах это очень хорошо видно.

В первые два с половиной года мы много общались — и в московской квартире, и на даче. Переписывались, когда Г. С. и З. А. уезжали осенью в Дом писателей в Коктебеле. Летом 1991 года я вернулась домой, в Питер. Встречи и беседы стали значительно реже (хоть я и старалась при каждом удобном случае приезжать в Москву). Но, соответственно, усилилась переписка.

Обычно в одном конверте было два письма: от Г. С. и З. А. Но иногда они писали по отдельности. В письмах З. А. обязательно были стихи — и совсем новые, и хорошо мне известные.

Александра Юрьевна Созонова родилась в Санкт-Петербурге, окончила психологический факультет ЛГУ в 1979 году и ВГИК в 1989 году. Автор ряда книг и публикаций в периодике. Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

Г. С. Октябрь 1989. Коктебель. Милая Сашенька, Ваше письмо пришло удивительно быстро, за пять дней. Из него мы узнали еще немного о кризисе общины. Марина и Наташа не смогли приехать, так что наша информация ограничивается несколькими строками в письме Ирочки и в твоём. Очень грустно. Не только лично, а — как бы сказать? — философски грустно. Какая может быть экумена, если не смогли ужиться с двумя-тремя нестандартными личностями? Мне хочется поговорить об этом с Сандром, хотя, боюсь, отрубленное уже не срастется. Но тогда опять тот же вопрос: какая же это экумена? Если нет духа любви, побеждающего различия? Сумеет ли мы сами, ни на кого не опираясь, начать новое движение? Я предпочитал бы объединять то, что есть¹.

Во всяком случае, жизнь не прекратится. Здесь ко мне пришел большой покой и от него — большое вдохновение, написал целую вторую часть повести, которую Вы читали, и вложил в нее все, что смог. Если жизнь в стране продолжится (я имею в виду жизнь, а не прозябание), все это со временем будет напечатано. И Ваш роман (за который я боюсь не меньше Вас), и «Озеро Сариклен», и «Остановите Настасью Филипповну!» Но все мы люди скорее пишущие, чем организаторы, издатели, и нам очень не хватает союза с небрахманской интеллигенцией, способной на черновую работу просвещения. И с деловыми людьми, годными на пробивание. Кое-какие связи у меня есть, но далеко ли они поведут — не знаю.

Я рад, что Вас потянуло к Востоку. Он очень много значит и в моей жизни. Но для меня здесь нет больше-меньше, где-то мерки кончаются, мои, по крайней мере, и не хочется мерить ни Будду, ни Рамакришну, ни Христа. Душа в какой-то миг больше открывается тому или другому, но это не измерение, не оценка. Просто так повернулись мы сами, нам легче вместить в себя Божественное в том или другом лике. Впрочем, я думаю, это у Вас просто неловко выражено, а по сути значит именно то, что надо.

Рад я и Вашему живому участию в судьбе Ларисы. Она действительно жила баловнем и не вынесла серии неудач, в которых косвенно мы виноваты (подтолкнув — невольно — разрыв с научным руководителем)². Боюсь, что мы с Зиной сыграли роль фермента и в расколе «экумены». Зину когда-то называли агрессором: она (невольно, конечно) втягивает в свою судьбу притяжения чужих друзей и делает их своими. Я верю, что у Вас все будет хорошо, и всегда готов помочь вашей судьбе. До скорой встречи!

З. А. Сашенька, родная моя душа! Мы прочитали письмо Ваше и пошли в гору — были закатные часы. По дороге я все говорила с Вами, отвечала Вам. А когда села на горе и пережила в энный раз заново эту живую литургию, подумалось только одно: вот когда вместе будем так молиться, будет у нас своя община, своя церковь, открытая для всех и собирающая немногих. Но ведь церковь эту надо каждый день строить заново, как каждый вечер заново начинается это богослужение на небе. А ведь по сути люди больше всего на свете боятся творческой работы — я имею в виду настоящее духовное творчество, когда с тебя совлекается все, ты остаешься нищим, у тебя ничего нет, и ты совершенно не уверен, будет ли; как не знаешь, будут ли завтра новые сти-

¹ Община — экуменическая община Сандра Риги, созданная им в Москве в конце 70-х. За что Сандр был осужден и 3,5 года провел в спецсизухе на Дальнем Востоке. Два года я была членом его общины и соредктором самиздатского журнала «Чаша».

² Лариса — любимая духовная дочь Г. С. и З. А., с которой случилась страшная трагедия: спустя два месяца после этой переписки она в приступе острой депрессии убила себя и восьмилетнюю дочку.

хи, хотя бы их было уже сотни и больше. Все заново, все неизвестно, все из ничего. И это творчество.

Творчество и тщеславие, по-моему, это антонимы, несовместимость, несмотря на тысячи тщеславных талантов. Истинное духовное творчество и тщеславие — это как вода и огонь. Одна капля тщеславия и — духовного творчества нет.

Сандр... Марина ведь мне давно уже о нем говорила, но я дала обещание молчать. Теперь уже этого не требуется. Я все время пыталась быть «адвокатом дьявола», хотела, чтобы она себя проверила, не осудила бы сгоряча, сумела простить, смириться с чем-то. У меня же у самой впечатление от Сандра очень неоднозначное, сложное. Прежде всего впечатление от его текстов. То, что прочла в «Чаше» № 3, пленило, обрадовало, почувствовала огромное родство. А в № 4 — насторожило. Даже очень. М. б. я путаю сейчас номера, но вот тот текст, где он описывал свою жизнь, то, как он пришел к Богу, в чем-то меня очень насторожил. В этом человеке живут разные пласты. Есть совершенно прекрасные. Но любовь, которая соглашается на ничто, на сведение в ней своего «я»... Грустно бесконечно. И все-таки есть в вашем отходе и что-то, что нас ободряет. Готовность в одиночестве хранить живой огонь. Хранить чистоту настоящего. Но, конечно, все это требует личного разговора и, может быть, совместного вдумывания.

Спасибо за портрет Рамакришны. Я его тоже очень люблю. Вот только сравнения больше, меньше для меня, пожалуй, нет, потому что есть другой критерий — прозрачность по отношению к Одному, к Единому. Самое большое мое ликование — узнавание Его сквозь лики. Через большинство не доберешься, они заслоняют Его. Но вот когда видишь лицо, которое не заслоняет, то радости нет конца. И понимаешь, что все сравнения — майя. Христос же для меня абсолютная мера прозрачности. «Не я, а Отец во мне». Пожалуй, что со сравнениями святых, как с двумя матерями из соломониной притчи. Кто отдаст младенца, чтобы его не рассекли, та и настоящая мать. Отдать, чтобы не рассекли... в этом вся задача.

Тема Ларисы для меня такая большая и больная, что в письме не подступиться. Трудно. Хотя я очень благодарна Вам за участие. Я тут, кажется, уже ничего не могу. (Хотя, конечно, не прекращаю новых попыток, вернее, всем сердцем с ней, однако...) Ей оказалась реальность не по плечу. Она ушла в мир воображения. Это, может быть, тот случай, когда прозрачность по сути пугала. Нужна была плотность, на которую можно было бы опереться, а не та текучесть, которую надо бы вобрать в себя, вдохнуть, причаститься. Дух это то, что вдыхают в себя. Его нет в мире, ограниченном рамками. Какими угодно. Духовный человек — это тот, кто умеет глубоко дышать... Прийти к Богу — это открыться для сквозняка. Бог — самый великий сквозняк на свете. А Лариса оказалась свечкой, которая гаснет на ветру. Это не приговор, это видение того, что есть. Сейчас ей нужно, по-моему, только одно: накапливать смирение по капле, по крошке и осознавать, что каждая такая крошка весомей тонн воображаемых сокровищ. Вы пишете, что по экзатичности она похожа на меня. Да, может быть, но... различия здесь пока и, к сожалению великому, больше. Что-то я, может, спутала за давностью лет, но все равно. С 19-ти лет чувствовала ответственность за Землю, невозможность отрыва от нее, хотя и невозможность оставлять ее такой, какая она есть. Но тема действительно нескончаемая. Письмо слишком растянулось. Целую Вас крепко. Мужайтесь, мы вместе. Ваша Зина.

Г. С. Июль 1990. Москва. Милая Сашенька, ты хочешь все сразу: сразу покончить с бездомностью, сразу покончить с историей, сразу разделаться с исторической церковью, созданной ап. Павлом. А зрелость заключается в том, чтобы вынести историю

и вынести человеческие грехи великого апостола, и выносить свою бездомность — тоже. Мы ее помним и при каждом случае думаем, как тебе помочь, но волшебной палочки ни у кого нет. Скорее удастся напечатать твой роман, у меня завязываются связи с двумя толстыми журналами, а в «Юности» он уже лежит. Появятся деньги — можно будет что-то снять в районе Томилино, Красково, Малаховки — 15 минут на электричке до метро. Или придумаем что-нибудь другое. А пока терпи.

Думаю, что твое отношение к апостолу Павлу незрелое³. Едва познакомилась с его посланиями, проскочила мимо нескольких глубочайших мест, зацепилась за огрехи (я их тоже упомянул в книге о Достоевском, вспоминая Павла) — и уже поставила крест. Опять русский мальчик получил карту звездного неба и вернул назад исправленную. Мне даже неохота повести тебя на экскурсию по глубинам Павла (кое-что найдешь в моей книге о Достоевском), не думаю, что это нужно, Бог дал тебе достаточно разума, чтобы самой разобраться, перечти! Не только Сандр любит Павла, и я его люблю, и Зина, а что он не без греха, не без старых привычек, это верно. Но без его усилий синагоги, которые он обобщил и приспособил ко вкусам язычников, не было бы исторической церкви, донесшей до нас всех Евангелие. Иудеохристианство, не испорченное Павлом, выдохлось к 4-му веку и дало только один плод: манихейство (Мани в молодости испытал влияние иудеохристиан). А посев Павла дал Троицу... Нельзя так цитировать, выдирая из целого отдельные дурно звучащие (и, допустим, действительно плохие) фразы. Меня так цитируют Солженицин, Борисов, Шафаревич и др. Я упрекаю их в точечном мышлении. Целого нет, есть отдельные фразы. Например, «Россия-мать, Россия-сука». Ах, он назвал Россию сукой! И с Синявским покончено. А это тончайший писатель, его будут читать через сто лет, не меньше, чем Солженицина. Есть фразы, которые и на меня действуют, как красная тряпка на быка. Но если остальное хорошо, я отмахиваюсь от неприятного впечатления и считаю, например, «Теленка» хорошей книгой (там в конце есть несколько скверных страниц, но книга в целом хорошая).

И Библия в целом хорошая книга, и Послания Павла. Есть два способа видеть. Первый — солженицинский (то есть Солженицина-полемиста): негр черный, совершенно черный, следовательно, зубы у него тоже черные. Второй способ лучше всего выражен суффийской притчей. Шел по дороге Иисус с учениками, и лежала дохлая собака. Ученики отвернулись. Иисус посмотрел и сказал: «Какие у нее прекрасные белые зубы!» Надо стараться даже у дохлой собаки видеть прекрасные зубы, а ты сразу записываешь Библию и Послания в падаль. Несмотря на это я тебя все-таки люблю. Будь здорова.

З. А. Сашенька, родная! Я давно тебе не писала, но больше, чем на приписку, теперь не способна. Пойми и прости. Я совершенно присоединяюсь к Гришиному письму, но хочу кое-что добавить. Ты знаешь, мне приходилось слышать, и не однажды, что людей отталкивает от Христа его нетерпимость (!), язык Евангелия, его проклятия фарисеям, смоковнице, изгнание торгующих из храма и т. п. И ведь все цитатно подтверждено. И — я задыхаюсь от тоски. Мы все разбираемся на части, пока кто-то не догадается, что мы ЖИВЫЕ, и значит нужен обратный труд — собирания Образа или стяжания Духа Святого. И если есть на свете чудо — то это тот самый труд собирания. Он, разумеется, всегда происходит внутри. А в зеркале мира появляется другое отражение. Оно появляется само — чудом. Работа происходит не в зеркале — в нас. Или,

³ Разговор об апостоле Павле был инициирован мною. Поделилась резко отрицательным мнением о нем Даниила Андреева в «Розе мира», с которым согласна, привела несколько цитат из Посланий, характеризующих его как человека властного и нетерпимого.

во всяком случае, возникает знание, что я и не подступил к работе, а поэтому — не сужу. Когда мы судим, то «струится поток доказательств несравненной моей правоты».

Павлов огонь — великая и необходимая Божественная сила. Надо смотреть только, в чьей он груди и что сжигает. Очень трудно, особенно в письме, сказать, за что я люблю Павла и как именно отделяю его вечное «Я» от исторических наслоений. Но я хочу сказать тебе о нескольких откликах на Павла, которые кажутся мне поразительными. Это Павел Рублева, Феофана Грека, Эль Греко и, наконец, Рембрандта. И в облике всех четырех столь разных Павлов есть доминанта — сразу можно сказать — это Павел, и никто другой. Это, наверное, одухотворение интеллекта, огромное сознание, расширение и равновесие сознания. Дух — един. Одухотворение не может остановиться на части. Оно ведет к открытию Целого. Но начинается у одних с сердца, у других с сознания. Огонь Павла — огонь бел. Но я сейчас плохо пишу. Не емко и недостаточно. А мне много тебе надо сказать. Как мне привиделось. Спасибо тебе за окно на пруд с кувшинками. Прямо побывала. Я уже больше месяца не хожу. Ко всему прочему — болит нога. Конечно, я нахожусь на своей благословенной даче. Но как иногда мечтаю о море, ибо это единственное место, где до сих пор я физически отдыхала от моей болезни. Никто и ничто и из природы, и из людей не помогает мне так, как море. (Вот только Г. С. и море вместе.) И как-то нет уверенности, что доберусь до него. Пишу много. Между прочим приготовила для тебя перепечатку моих сказок. Целую тебя. Будь здорова вместе с Никой. Твоя Зина.

Г. С. Сентябрь 1990. Москва. Милая Сашенька, пишу в сумбуре и разоре. До сих пор не могу совершенно освободиться от шока после смерти Ал. Ал. Меня. Мы иногда поварчивали на него за разбросанность, но всегда чувствовали близким человеком, человеком нашего духа — и топор, ударивший его по затылку, не только я, не только Зина (мы знали о. Ал-дра 25 лет), даже незнакомые пережили как удар по каждому из нас. Не так важно, кто именно убил, — важно, кто его ненавидел и желал его смерти, а это очевидно (больше дюжины писем с угрозами расправы). Самое грустное, что ненавидели люди не бесконечно плохие и даже, может быть, хорошие, но сбитые с толку, как тебя удалось сбить с масонами. Вот, например, цитата из В. Н. Осипова: «Я невольно цепенею при мысли, что какого-нибудь малодушного епископа... заменит какой-нибудь бодрый, энергичный экуменист-масон, разрушитель основ православия». Так что ты, детка, тоже разрушительница основ. И ты прошлая ненавидела себя нынешнюю.

И потому прости а. Павлу его грехи. Которые у него есть. Но которые не могут служить основанием для таких взрывов чувств, как у тебя. Не связана ли твоя ненависть со страхом? Ненависть и страх — сестры. Ты как-то начинаешь бояться темных пятен и шарахаешься от Ветхого завета, от Павла, потому что у них есть пятна. Они и на солнце есть. Но я не браню тебя (не пойми меня так). Я понимаю твою тревогу. Мы все живем в тревоге, от которой спасает только молитва. Вот этой ночью я много молился, чтобы помочь Зине, и у меня было ясное чувство ухода от боли и тревоги в какой-то пунктирный световой шатер. Пунктирный, так что сквозь него темное болото вокруг было видно, но все-таки... Кого? Может быть, то меньшинство, которое упомянуто в «Откровении»? Явно не всех. Но видеть добро ярче, чем зло (если добро есть) — это можно. И это твоя задача. Обнимаю тебя. Желаю тебе радости и покоя. Тебе и Нике. Г.

З. А. Родная моя, у меня сейчас нет возможности для настоящего письма. Мне просто очень хочется обнять тебя. Гриша на этот раз написал за нас обоих. У меня сей-

час как будто вправду рана открывается при каждом прикосновении. Начинаю говорить — плачу. Крепко целую тебя. Надеюсь написать. Но очень жду от тебя в Коктебеле. Твоя Зина.

3. А. *Декабрь 1990. Москва.* Милая моя Сашенька! Попытаюсь ответить тебе более или менее по порядку. Нет, мы не писали тебе. По двум причинам. 1-я — Гриша еще не прочел. Поразительный для него факт, но факт. Он был сверхъестественно занят. Действительно сверхъестественно. (Между прочим за это время три раза уезжал из Москвы, в том числе в Германию.) Ну а я? Несмотря на твои спокойные сны у меня было время столь трудное, что мы имеем все шансы больше не встретиться. Но это все — вступление. Поверь — все так. Сейчас вот уже третий день как мне лучше, а Гриша после 22-го (лекция) тут же примется за чтение...⁴

Нелюбимый тобой Павел сказал: я умер, жив во мне Христос. Ты этому не поверишь, но емче не скажешь: я умер, но только тут-то и стал живым. Я умер и родился в тот же момент. Я умер, как тот, кому что-либо в этой жизни для себя нужно. Мне НИЧЕГО не нужно. С меня довольно того, что мой Бог ЕСТЬ. В Его бытии — все.

Я уже не задам вопрос, когда умру я или даже мой ребенок. Я не задам этого вопроса. Это не мой вопрос, не моя задача знать. Моя — знать Бога и ликовать о Боге. Не о себе — о Боге. Я — о Нем, Он — обо мне. (Но только Он.) У меня нет своего роскоша, своей судьбы. Не говоря уже о том, что желать чего-то вовне, как Мириам, это для увидавшего Бога немислимо. То есть никакая внешняя зависимость немислима. Зависимость (душевная) от внешнего и религиозная жизнь — две вещи несовместные. И это надо сознавать. Иначе вместо жизни духа — воображение, смена эйфории отчаяньем.

Я написала очень много и вдруг почувствовала, что главного все равно не скажешь. И все равно — слишком абстрактно все выглядит. Сегодня день смерти моей мамы. 15 лет. И вот я начала этот день с письма к тебе. И — не сумела его написать. Девочка моя, мы все сироты. И мы все можем стать матерями и сестрами и дочерьми и братьями друг другу. И это задача очень конкретная, очень живая. Это и есть религиозная задача. Но для того чтобы ее решить, надо дойти (дорости) до Бога — надо самому встать на весы. Взвесить и отдать все свое «Я». Целиком. Я умер. Ты жив во мне. Когда я почувствую в человеке такую любовь, такое самосгорание, я возликую, я и в смерти воскресну. А пока этого нет, надо только знать, что этого нет. Ясно видеть.

Да, поможем друг другу, девочка моя. Мне ведь очень нужна твоя помощь. Твоя ответственность. Твое понимание того, что такое встать на весы. А ведь ты не представляешь себе, что мне действительно нужна твоя помощь. И как!.. И в час, когда обрываешься ты, вся тяжесть (тебе доверенная) падает на меня. Вот сколько я написала... Целую тебя крепко. Твоя Зина.

3. А. *Май 1991. Москва.* Родная, дорогая моя Сашенька! Только сегодня дошли до нас твои письма. Т. е. они ждали нас давно, но только сегодня дошли. Мы приехали в Москву не 7, а 9-го, и нас встретили такие известия, что мы даже не могли два дня разбирать корреспонденции. Сейчас это известие удалось принять и разместить в сердце. Я не хочу говорить сейчас об этом. Это касается очень близкого совсем молодого человека. Но — просто не могла не сказать, что мешало прежде всего наброситься на письмо, что мы (особенно я) всегда, всю жизнь делали. Письмо твое — первое, боль-

⁴ Основная часть письма касалась моего второго романа «Полдень Браммы», который, в отличие от первого, подвергся немалой критике. Не за язык, стиль, композицию или сюжет, но за идейное наполнение, мировоззрение главного героя, моего альтер эго.

шое, так взволновало, разворошило и заставило рвануться к тебе, что хоть из кожи вылезай... Ты пишешь о противоречии: мол, и принимаешь одиночество, и молишь о понимании. Родная моя, это совсем не противоречие. Одиночество, о котором говорит Рильке, одиночество, которое в свое время всем сердцем поняла и приняла я, есть путь в единство. Истинное иночество, монашество (не по обету, а по внутренней необходимости) есть ПУТЬ в единство. Настоящее единство всецело и достигается только на очень большой глубине. Так что не одиночество ради одиночества, а одиночество ради единства, ради истинного единения — вот что нужно. И всякая открытость душевная не противоречит одиночеству — пути, а необходима и благословенна.

Одиночество м. б. только и имеет смысл, как открытость, или, если хочешь, — готовность на не закрывающуюся рану. Только незащищенный человек воспримет Бога. Но не защищенный не защищен прежде всего от ада. И эту беззащитность он должен вынести. Вообще, все кресты в гороскопе говорят о величайшем доверии. Самая большая душа — не та, что избавлена от испытаний, а та, что способна их вынести. Бог как может оградить от испытаний, если мы не достойны их. Трудно «впасть в руки Бога живого». Трудно быть достойным Его доверия...

Мы живем без знаков. С совершенно открытым незащищенным сердцем. Мы тебя и окликнули от снов-остановок, туда — на беспрестанный бессонный Путь...

Девочка моя, мы тебя очень любим, но нас очень огорчает твоя склонность застрывать на пути, застревать в самой себе... Как дать тебе почувствовать, что мы тебя и вправду очень любим, и если «судим», но не извне, а изнутри?.. Девочка моя, знаешь, что такое главная духовная истина? — Мы не существуем отдельно. Целую тебя крепко. Жду от тебя еще одной капельки света. Твоя Зина.

Г. С. Июль 1991. Москва. Милая Сашенька, я думаю, в тебе было не мужское, а мальчишеское, то есть инфантильное. Многие девочки любят играть в мальчиков, одна дама, прочитав мой рассказ об Ире Гришечко (тоже этим грешившей), рассказала мне, что лет в 15 они с подругами носили под юбками шпаги и воображали себя мушкетерами. Взрослые в такие игры не играют. Взрослые принимают данную Богом плоть как задачу: сыграть свою роль, полученную от режиссера, стать настоящим мужчиной, настоящей женщиной. А настоящее — это ответственность за другого, готовность принять на свои плечи другую жизнь. Для тебя, по-видимому, — Ники. А для меня зрелостью была готовность принять на себя судьбу женщины, с которой я сблизился (пока не созрел для этого — не мог сблизиться, что-то запрещало вопреки готовности тела). Зрелость — это ответственность, это сознание себя без романтических украшений, это движение вглубь в данных тебе судьбой рамках (мужских ли, женских... мужское тоже нелегко дается, если принимать его всерьез).

Зина тебя целует, но быстро ответить не собиралась. Г.

Г. С. Июль 1991. Москва. Милая Сашенька, хорошо хоть грустное письмо пришло, а то не знал, что и думать. Я не хочу, сидя у раскрытой двери в сад, поучать тебя. Просто признаюсь, что грустно получать грустные письма, и мне хочется подчеркнуть то, что в твоём письме бодрого: что ты работаешь, что пытаешься что-то еще найти и т. п. Не нашел ничего о дочке. И вспомнил недавно начавшуюся переписку с некой Леной Алешинной. Откликнулась на мою статейку о чувстве вечности через три недели после смерти своего единственного и позднего сына (ей около 40-ка, сын умер в четьре с половиной). Приедешь, покажу ее письма. Она попала в санаторное отделение, где лечат после попыток самоубийства (хотя у нее не было этого) и других стрессов. И вот две цитаты. Сперва до того, как она столкнулась с чужим горем: «Хочу спросить

у Вас, как Вам мыслится точка вечности в женском сознании, в том числе, когда потеряно главное в жизни женщины? Я снова ишу опоры в себе. Понимаю, что весь смысл жизни видеть в ребенке неразумно, это тягостно для самого ребенка и опасно для матери. С самого начала я старалась этого избегать, но, как ни мудрствуют, женщиной движет сама природа. Мое личное ощущение теперь — что предстоит вечность без сына, снова и снова тянуться обнять его, хотя бы во сне, и встречать пустоту. Неспроста столько веков танталовым мукам. Красота зимнего дня меня пронзает до слез, потому что сын ее не видит вместе со мной и никогда больше не увидит...» Теперь из второго письма, после больницы: «Мне повезло на милых, сердечных людей, все они получили свой вид кары в жизни и почти все просветляются и на глазах перерастают себя прежних! Это удивительно, как из страдания вырастает чудо тепла и силы! Мне кажется, я уловила смысл любви Христовой, но это очень больно, еще расти и расти...»

Ты ведь писатель и задумала свои опавшие листья — так пиши их, превращай боль в материал, вспоминаю каждый день Рильке: прекрасное — та часть ужасного, которую мы можем вместить... И если вместишь, то жизнь твоя наполнится смыслом. Будь здорова. Обнимаю тебя. Г.

З. А. Июль 1991. Москва. Сашенька, дорогая моя! Очень рада письму твоему, самой же мне писать письма сейчас почти непосильный труд. И трудно сказать почему. (Только это не имеет ничего общего с отношением к адресату.) Как бы там ни было, разреши мне говорить невпопад, не в ответ. Мне очень хорошо было читать про пруд и все про Нику⁵. Точно сама искупалась в пруду с желтыми кувшинками и отлежалась в стоге сена, прижимая к себе и нежно глядя маленькое солнышко — дочку. Но вот не в ответ, а невпопад — о властности в характере, унаследованной, как ты пишешь, от тебя. А вместе и о вере «умом, а не всем существом». Когда вера такова, то она все время ищет себе подкрепление, строя и строя свою рукотворную (мыслетворную) крепость. Все волшебства на свете и все заглядывания в судьбу на этом корню. И все они ищут власти над судьбой, жизнью, или как там еще это назвать. И вот ясно увиделось (в который раз) — дух не ищет власти никогда и ни над чем. Он ищет только силы не подпасть под чуждую власть. Не властвую и не рабствую ничему. Раб Божий — это ведь оксюморон. Это раб свободы внутренней. Раб Божий совершенно свободен от всего внешнего. Это прежде всего тот, ко не властвует ни над кем и ни над чем. Не надо. Ибо царство мое — внутри.

Подумала — что-то есть в твоём письме, что меня грустно и радостно волнует. М. б. какая-то верно понятая внутренняя задача? Не знаю. Какое-то верное видение себя. С этого ведь все начинается. А о вере умом или всем сердцем... Знаешь, что я думаю. Может быть, и нельзя поверить, что любящие неминуемо встретятся. И что «вечность наполнена не одиночеством и тоской, но любовью». Может быть, во все это нельзя поверить вовсе. Это можно УЗНАТЬ сейчас или не узнать... Будь здорова. Ждем. Твоя З.

Г. С. Август 1991. Москва. Милая Сашенька, ты так хорошо написала про Нику, что я, кажется, сам ее полюбил. Я всегда люблюсь девочками в ее возрасте (до 5) и убежден, что ничего прекраснее нет в природе. Этого счастья мне Бог не дал, но дал другое. А тебе вот дал это. Неважно, что или кого — важно, чтобы было кого (или что) любить, что и кого бы то ни было. Это тот хлеб, который нужен каждый день. И если молиться, то об этом хлебе: дай мне любить — и озеро, и луч, и этого маленького

⁵ Ника — моя дочка. В 1991 году ей было четыре года.

человечка, который всех любит больше всего на свете. Мне в твоём прошлом письме очень этого не хватало.

Очень хочется устроить тебя в Москве, но как? Планы мелькают, но это лишь мыльные пузыри. Пока надо жить, как живётся: со своей бедой (своей семьей) и с Никой. Я пишу сейчас эссе о стихах Вениамина Блаженных (Вениамина Михайловича Айзенштадта), которого напечатали в прошлом году. Это поэт гениальный, вроде Марка Шагала, только с христианским духом — и в словах, а не в красках. Сейчас ему идет 70-й год, напечатали в 69. Работал в инвалидной артели рабочим, писать стихи выучился самоучкой, по его словам, не знает, как называется какой размер. Самоучкой же составилось его религиозное мировоззрение: не христианство, а христовство, прямая связь с Христом во главе вереницы бедных людей, собак и кошек (которых Христос тоже должен воскресить). Свою беду (бедность, убогость, безвестность) он превратил в дар и делится им с людьми, как Божьим даром. У нас с ним завязалась переписка, особенно у Зины с ним, и почти сразу же дружба. Живет он в Минске, очень болеет, приехать не может (мы приглашали), так что дружба по переписке. В чем-то он, вероятно, остался не то что ребенком (хотя сам пишет, что «молоко на губах не обсохло»), но во всяком случае вне страстей взрослых, почти без всего того мира, о котором ты пишешь (так, чуть-чуть у него это есть, но совсем чуточку) — и есть отход к беседе со смертью, с умершими, но для него живыми: матерью, отцом, братом... Приедешь — прочтешь. Это поэт не ниже Даниила Андреева, хотя совершенно другой.

Еще увидишь сломанную, но плодоносящую яблоню (наверное, это символ), кучу дров и меня с пилой. Будь здорова и поцелуй свое маленькое счастье! Г.

Г. С. *Ноябрь 1991. Москва.* Милая Сашенька написал тебе письмо, а сейчас переписываю. О твоих проектах думал, и показалось мне, что можно жить в заброшенной деревне⁶ без разрешения, а потом еще привлечь телевидение, ну хоть «5 колесо», в свою защиту. Телевизионщики иногда вступаются за партизанщину. Кроме того ты можешь поселиться в другом кружке, не питерском. Главная проблема кажется мне в другом: любое сообщество тебе скорее всего через год (или полгода) прискучит, и захочется колобку⁷ дальше. Единственная позиция, на которой я тебя представляю — это позиция инспектора вольных поселений с периодическими кочевьями — ну хотя бы для обмена опытом.

А мы только и кочуем, что из Москвы на дачу и с дачи в Москву: писать, звонить, выступать, лекции, круглые столы (они, кстати, никогда не круглые). Находить стопки писем и отвечать на них... Кстати, посылаю тебе трактат интересного человека, отбывшего много лет, освобождается в сентябре, в лагере обратился, пишет хорошие статьи, одну опубликовали в «Искусство кино», потом он стал писать мне. Я этот трактат перепечатал и понесу завтра на конференцию «Духовность и церковность». Обнимаю тебя. Г.

Г. С. *Март 1992.* Милая Сашенька, сегодня я отдал твой роман лично в руки Натальи Ивановой с присовокуплением хороших слов об авторе. Н. И. меня вроде бы слушает(ся). Хотя конечно на вкус и цвет товарища нет. Посмотрим, что выйдет.

⁶ Осенью 1991 года я подала объявление в «Аргументы и факты», предлагая всем желающим жить на природе в мире и гармонии с ней и себе подобными создать экопоселение в одной из заброшенных деревень в Новгородской области. Получила несколько тысяч откликов и около пяти лет принимала в этом активное участие.

⁷ Колобком прозвал меня Г. С. за частые смены круга общения, новые интересы и начинания.

Из того, что ты пишешь рассказ, я делаю оптимистические выводы (легче протолкнуть рассказ, чем роман). В то, что этот рассказ последний, — не верю. Последний на сегодняшний день, а завтра будет еще один. Вообще всякий текст последний (пока пишется). Потом пишется еще один (еще последнее). Ты присуждена писать, это твой дар, он время от времени шевелится в тебе, как — ну, наверное, ты это лучше понимаешь — как Ника в твоём чреве, и требует родить. Главное ведь, что это все, твои личные муки и общие муки, все это имеет смысл, из всего этого что-то должно родиться. Даже если здесь история сделает выкидыш, все останется в Акаше-хронике. Мы с тобой зеркальце, свет — не наш, в нас только солнечные зайчики. Я спокойно жил с этим чувством до 70 лет, а потом стал печататься, в 1988 году всего три статьи (две маленькие, незаметные, одна стоящая), а теперь сам не помню сколько. Ты рождена ставить на себе эксперименты, чтобы понять и написать. И будешь писать. Это твоя дхарма. Остальное может сложиться как ему угодно (хотя я от всего сердца желаю тебе счастья). Но писать ты будешь последнее и еще последнее. Спасибо тебе за твое дивное поздравление. Обнимаю тебя. Г.

Г. С. Март 1992. Москва. Милая Сашенька, сегодня я заседал (для ради кворума) на собрании московских писателей. Сзади сидела Нат. Ив-ва. Наклонилась ко мне и сказала: «Роман прочла. Опыт очень интересный. Но надо поработать». Попросила твои координаты. Но я сказал, что сам тебе напишу, дам ее телефоны. Ты с ней созвонись и приезжай. Деньги на дорогу я тебе вышлю. Мне дала канадская приятельница на благотворительные цели. Твоя доля 400 руб.

Посоветуйся со звездами и как-нибудь поверни их так, чтобы они тебе не помешали. Обнимаю тебя. Г. Еще попроси у звезд удачи нашему путешествию в Коктебель — с 22.04 по 16.05.

3. А. Апрель 1992. Здравствуй, Сашенька! Только что кончила чтение твоего эссе⁸. Я ничего не буду тебе говорить. Ты этого не хочешь. Тебе этого не нужно. Я только спрошу тебя: к какой категории ты относишь Иисуса Христа? К благословенным или к проклятым? Да, я знаю, ты скажешь — к благословенным. Так, может быть, благословенные — это те, кто сумел вынести свою проклятость? Нет? Ему не было написано на роду распятие?.. (Только не говори, что он Бог и особенный. Это — бросить камень в Распятого.)

Нет, не могу удержаться, чтобы не сказать еще несколько слов. Знаешь, что такое твоя прозрачная стена? Это твое «я». Это то, что стоит между теми, кого ты любишь и тобою. (Да, как ни парадоксально.) У тебя есть доказательства бытия Божьего, но нет Бога. У меня наоборот. Знаешь почему? Мне не нужно никаких доказательств. Мне ничего от Бога не нужно, кроме Его БЫТИЯ. Когда я Его вижу, то, что ты называешь прозрачной стеной (прочнейшей стеной), рвется, как листок бумаги. Ибо мне ничего от Него не нужно. Когда я Его вижу, все уже есть. «Будь, Господи! Да святится

⁸ Эссе называлось «Прозрачная стена прочнее всего на свете» — крайне безысходное, на грани полного отчаяния. Истоком послужил ряд бытовых событий того периода: безработица, отсутствие своего жилья (жила с дочкой вместе с родителями, отношения с которыми были тяжелыми, особенно с отцом-алкоголиком), неудачи с публикацией романа (за три года несколько раз его обещали издать, но каждый раз срывалось). Но главное: случилось очередное обострение депрессии, которая периодически меня накрывала с 15 лет. Г. С. написал эссе «Неудачи» в ответ на мой текст. Почти сразу пожалела, что его отправила. С тех пор придерживаюсь принципа, что абсолютно темные и безвыходные вещи писать можно, но публиковать или отдавать на прочтение, нагружая своей тьмой кого-то, — нет.

имя Твое». Вот и все. Довольно даже этих начальных слов. Я должна нести муку только по одной причине: я люблю Его. Слова «да будет воля Твоя, а не моя» — слова любви.

Нет и не может быть никаких доказательств бытия Божьего, кроме моей к Нему любви. И — на кресте любви. И — «Зачем ты меня оставил, любовь моя?!» С великой болью, с комом в груди и с тем, что не проходит до тебя сквозь прозрачную стену. Зина.

П. С. Может быть, ты получишь это письмо в день своего рождения Чего я желаю? После всего сказанного трудно добавить. Но все-таки: чтобы ты увидела то, что есть и...

3. А. *Апрель 1992. Москва.* Милая моя Сашенька! Написала тебе письмо, почти как не то что ответ на удар, а — защита от удара. Но — продолжаю разговаривать с тобой почти постоянно, хотя знаю, что диалога нет. Есть два монолога. И все же продолжаю свой... в воздух.

Твоя сила в том, что ты любишь свет. Твоя слабость, твоя дорога в отчаянье — отчаянная слабость в том, что ты мало (ох, как мало!) любишь свет. Если бы ты любила хоть немного больше, то наткнулась бы на его собственные законы (а не диктовала бы ему свои) и волей-неволей приняла бы их — ибо, что поделаешь с любовью? И тогда бы ты узнала, что Бог и Рок лежат в разных измерениях. Они не пересекаются. Бог и есть то, с чем рок не пересекается. Всегда — мимо. Рок обуславливает нас. Но Бог БЕЗУСЛОВЕН. Он тот, кто не зависит ни от каких условий. Знаешь, когда человек начинает верить в Бога? Когда он наткнется на какую-то таинственную область в своей душе (внутри нас), которая НИ ОТ ЧЕГО ВНЕШНЕГО не зависит. НИ ОТ ЧЕГО. Некая не подлежащая определению сквозная полость... Небо... Наткнувшись на эту твердейшую полость — твердь небесную — сознание переворачивается. Это как если бы встать с головы на ноги или наоборот. Все вдруг видится в совершенно другом свете, других масштабах. Все — новое. Только полнота любви позволяет наткнуться на эту твердь. Но если не наткнулась, знай, что ты о Боге ничего не знаешь и делать никаких выводов — не вправе.

Если ты скажешь мне: «Мне очень плохо, плохо, плохо», — сердце мое рванется тебе навстречу и душа раскроется. Это то, что я могу. — Все, что я могу. Так было когда я, мы оба, прочитали твой первый роман. Мы услышали: «SOS! Жду подлинного». Единственное, что мы могли сказать на это: Мы есть. И значит, все, что мы вместили, принадлежит и тебе. Бери! Но ты... не взяла. Ты стала говорить о том, что взять невозможно, ты стала нагромождать стену доказательств, стену великолепных аргументов. А я только почувствовала, что ты строишь стену между нами. Мое письмо было криком: «Что ты делаешь?! Не надо стены!» Но ты огорчилась, обиделась и, все больше возводя стену, доказывала, что стена возведена помимо тебя и против тебя. Да, против, но не помимо. Тобой возводится... И ты уверена, что те, по ту сторону Стены блаженно улыбаются, когда ты и подобные тебе корчатся в муках? Господи, Господи! Если хоть одно создание отрезано от Бога, отгорожено стеной, то Бог не всецел, не вездесущ и не всемогущ. Стены, которые возводим мы, разрезают Бога на куски, рвут, режут, РАСПИНАЮТ ЕГО. И при этом мы требуем, чтобы Он, распинаемый нами, нам помог.

И, наверное, ни одному моему слову ты не веришь. Иначе закричала бы от ужаса и рванулась на помощь Богу. Но ты бросаешь ему крест. К Р Е С Т. Его крест. Он возьмет. Он только и делает, что берет крест. Пока тебе кажется, что Он отделен от тебя стеной, ты будешь обречать Его на крест. И сама с Ним вместе мучиться. Потому что мы — неразделимы. Потому что Он — наше сердце. Глубина глубин. И как Она (Оно, Он) болит... Господи...

Уже совсем было кончила письмо, а вот опять кружится мысль... Что значит верить в Бога? Знать о Боге? Знать о Боге — это значит узнать о своем бессмертии, о своей

безграничности и всесии собственного духа. Знать о Боге, как о ком-то отделенным от тебя стеной, значит ничего не знать о Боге, значит знать об ограниченном Боге, ограниченном нами. Бог за вычетом одной твари — это Бог за вычетом бесконечности. Не веришь. Я знаю. Но вот уж одно «доказательство» против твоей теории у меня есть: ты писала, что все, к чему ты прикасаешься, обращается в прах и тлен. Но ведь мою книгу (можно сказать, единственную, ибо коротенькая брошюрка почти не в счет) организовала ты. Пока все срывается, все мои книги в заморозке (я уж не говорю что в том самом «Знамени», куда приглашают тебя, со мной и разговаривать не хотели, «Сариклен» имеет штамп — вещь слабая.) И только на основании «Потери потери» меня вроде бы принимают в Союз. А к этой книжке ты прикоснулась. Ах, теории, теории...

Г. С. А как мне везло! 36 лет исполнилось мне в станице Шкуранской. Позади проработка на кафедре (1939), война (ну, жив остался), ожидание ареста, лагерь... встретил женщину, которую полюбил, так она через три года умерла. Сплошное везенье.

Г. С. *Апрель 1992. Москва.* Милая Сашенька, боюсь, что мой отзыв о твоём втором романе слишком тебя огорчил. Не знаю, обрадует ли хороший отзыв о твоём эссе? Сделана эта вещь превосходно, и если бы передо мной лежал текст, напечатанный в журнале, сказанного было бы достаточно. Будь я редактором — сразу написал бы: «в набор». Но это письмо, и я чувствую себя беспомощным. Слишком сильно, совершенно написано, и заранее чувствуешь неубедительность своих возможных аргументов. Кальвина ведь тоже никто не смог убедить. Но я все-таки надеюсь, что не Кальвин, и хоть чуточку мне веришь. Я не стану с тобой спорить. Я просто попрошу тебя: перечти Книгу Иова. И эссе об Иове (НМ №3). И подумай: неужели тебе хуже, чем Иову на его гноище? Нет ли в тебе обиды на других, на судьбу, на стену и проч., когда причина твоих несчастий в тебе самой, в твоём своеволии, гордости, властности. Вспомни таежный эпизод в твоём романе: ведь ты сама все погубила, чувство было, любовь была...

Бог страдает вместе с миром «в агонии до скончания века» — писал об этом Паскаль (и повторил очень мною любимый Г. П. Федотов). А наше дело — не бранить Бога за жестокость или слабость, а помогать ему. Ведь Его воля не может проявиться в отношениях людей мимо нас — только через нас. И вот эту свою задачу — помогать Богу — ты все время упускаешь и сама себя отчуждаешь от Него.

В воспоминаниях Копелева есть превосходная фраза свидетельницы его стонов после контузии: «Если пан майор будет меньше думать о себе, так Бог будет больше думать о пане майоре». Конечно, факты, о которых ты пишешь, которые ты приводишь, вызывают страдание. Но нет на свете ничего, что оправдывает отчаянье. В твоём отчаянье очень много своеволия и гордой обиды. А написано превосходно. Не хуже, чем «Крейцера соната» (с которой я тоже решительно не согласен). Обнимаю тебя.

Г. С. *Апрель 1992. Москва.* Милая Сашенька, здешняя тишина — как зеркало, в котором я каждый день вижу своих неблагополучных, неустроенных друзей. И вспомнилось мне, что 11 апреля в церкви под куполом Брунеллески я уже думал о тебе. Тебе 36 лет. Мне минуло 36 в 1954 году, недавно вышел из лагеря, работал учителем 8-х классов. Работал неумело, на педсоветах меня начали травить, казачата, говорившие дома по-украински (а по-русски хуже Горбачева), плохо понимали мою московскую мову. Станица Шкуранская в 20 км от жел. дороги. Я совсем один. Иногда езжу в Ростов читать Пруста или Манна. С последнего поезда в 2 часа ночи иду пешком по степи. Утром на уроки. За мной позади целая куча скандалов, крушений. Гадкому утенку

всегда не везет среди уток. Так положено. И выход в том, чтобы найти внутреннюю свободу в потоке (внешних) неудач. Иногда потом начинает везти, но, как правило, слишком поздно. В 36 лет никакого намека на нынешние успехи не было и надежд на это не было. И не было в столе романа, признанного друзьями, и переговоров с журналом «Знамя». Работа о Достоевском была в 1950 сожжена как документ, не относящийся к делу. Все надо было создавать заново — и без всяких перспектив. Но главное совсем не это. Главное случилось позже. Я потерял самого близкого человека. Как Лена А. своего сына (я уверен, что она с радостью поменяла бы свои несчастья на твои и согласилась бы жить на одной квартире с кем угодно — только бы со своим сыном). Я совершенно как Иван Карамазов не мог принять Бога, который распорядился умертвить Иру Муравьеву и с этим приехал к Зине и услышал ее стихотворение «Бог кричал»...

Милая Сашенька, не воображай себя философом и богословом. Каждое слово тебе диктует захваченность и поработченность чувством (а задача философа — не плакать и не смеяться, а понимать) Твои логические построения — карточные домики. Видно только сильное чувство отчаянья, захватившее тебя, и как чувство это хорошо выражено (с женской логикой). Годится как затравка для дискуссии.

Стеклопанельная стена, о которую ты бьешься, сооружена тобою самой. Ты подошла к чему-то подлинному, надо было взглянуть в него — но ты не привыкла долго вглядываться и побежала дальше, так и не заметив сути. У меня нет претензий к Кальвину. С этим ересиархом я не был знаком, и он не просился ко мне в ученики. Но ты-то просилась, и была принята, и прочла «Бог кричал» и «Записки гадкого утенка». Как ты все это читала: одними глазами?

Стихотворение «Бог кричал» перевернуло меня с первого раза, в июне 1960: «Бога ударили по тонкой жиле...» А ведь твоего Бога не ударишь. Он где-то отдельно от страдающего человека, устроился поуютнее и бросает из своего угла жребии: одному белый, другому черный. Но ведь Бог вездесущ. Он в каждой твари и не может никого проклясть: он проклял бы самого себя. Он всех благословляет, но не судьбой, а готовностью принять судьбу. Которую делит с тобой: «Где нам услышать за нашим криком Бога живого крик...» Бога ты до сих пор не почувствовала. А потому и не поняла, что Он в тебе — умирает, ты в нем — вечно живешь: «Нет, никогда не умрет нетленный. Я за него умру».

Перед тобой стена твоего помраченного сознания, дробящего целое на «понятные» кусочки (один из которых — кальвиновский божок). Переменится твое сознание — и стена рухнет, и жизнь наполнится смыслом. Перестань считать звезды. Это была тебе уловка: искать смысл во внешнем, а не в себе самой. Бог благословляет тех, кто думает о Нем больше, чем о себе, и делают то, что Он подсказывает. Не судьбой благословляет, а способностью вынести судьбу. Остальное — дело духов помельче. И дай тебе Бог освободиться от их власти! Г.

3. А. Апрель 1992. Москва. Дорогая моя Сашенька! Сажу перед окном. Одна. Страшный ветер. И тяжелые судороги. Не думала, что смогу писать. Да и не хотела. — Как-то вдруг поняла, что исчерпалась, что диалога не получается. Но под страшные завывания ветра и дикие перекосы в голове и позвоночнике все время говорю с тобой. Тихо, горько, без надежды быть услышанной. Вот, я почувствовала, что должна взять ручку и бумагу.

Итак, Иов говорил за себя, а ты — за других... Милая моя девочка, за других говорят не так. Этим «другим», кто бы они ни были, нужнее всего свет в твоей душе и любовь, без всяких вопросов, направленных вовне. Этим другим нужна величина и глу-

бина твоего сердца, способность его вместить их и выдержать. Бог говорит: «Отдайте мне бремя ваше, ибо Мне оно легко». Прежде чем выносить бремя других, надо уметь вынести свое. Иов человек, который был «для слепого глазами, для безногого ногами, для сироты отцом». Для него возможность благословлять Бога была возможностью благословлять за всех, от имени всех. И он делал это до тех пор пока мог нести бремя — свое и их — он не разделял. И вот наступил момент, когда он не смог. Это священный и страшный момент. Он остался один. И сказал: Я не могу больше. У меня НЕТ сил. И вдруг увидел, что ЕСТЬ силы, что они неисчерпаемы. Открылся другой неведомый внутренний источник. Это и был голос Бога из бури.

Все твои беды в том, что у тебя Бог внешний, а не внутренний. Ты разговариваешь с кем-то, а не с самой собой. Ты спрашиваешь с кого-то, а не самой себя. Зовешь к ответу кого-то. И ударяешься о стену. Ну да, если сердце не раздвинуть до бесконечности, то оно все время будет наткаться на стены. Напишу тебе оно стихотворение и этим кончу: *Доколе, Господи, доколе?!*. Ничего больше сказать тебе не могу. Кроме того, что хорошо знаю, что такое крик на кресте. Когда не можешь дозваться до Всемогущего, который в тебе самом. А обращаться к другим... это сон, иллюзия. Отношения с Богом — это отношения с Реальностью. А кто ж Ее — Реальность — вынесет?.. Будь здорова. З.

Г. С. Апрель 1992. Москва. Милая Сашенька, мой великий философ! С каких это пор Иов стал историческим лицом? Реален автор Книги Иова, который построил свой плач обездоленных как жалобу одного лица. Превратив остальных лиц в атрибуты, в статистов. Это условность художественного произведения. Ее преодолел Достоевский (для которого Книга Иова всегда была любимой), разработал тему Иова полифонически. Но для этого надо было жить на 2,5 тысячи лет позднее. По сути же, Книга Иова обо всех. Так же, как четыре благородных истины Гаутамы. Только выражено иначе. В Израиле был выработан образ справедливого Бога, и этот образ противоречил фактам жестокой судьбы. В Индии не было такого образа, боги Индии времен Гаутамы нравственно недостаточно определены, они творят мир, играя, и нелепо было бы жаловаться, что в своей игре они не заботятся о муравьишках, по которым ступают. Что касается справедливости, то независимо от богов ее осуществляет карма. И осуществляет безусловно: нагрешил в прошлом — теперь получаю. Культурология решительно запрещает вырывать образ из контекста и сравнивать его с другим образом, также вырванным из контекста. То, что ты написала, есть твое самовыражение, а насчет философии... Философские темы входят в твою речь как литературные темы с правом ставить все понятия вверх ногами по настроению минуты. Это у тебя было и в романе «Если ты есть»...

Все-таки ответь мне, философ: каким образом вездесущий присутствующий в тебе Бог может проклясть через тебя самого себя? И зачем надо приписывать Богу собственный дурной характер? Оставайся, если хочешь, какой есть, но не вали на Бога и судьбу. Ты такова, какой сама себя создаешь. Обнимаю твою глупую голову. Г.

З. А. Май 1992. Москва. Сашенька, милая моя! Я была в отчаянье от твоего письма и написала тебе ответ на десяти страницах. И хотя он предельно мягкий и полон действительного беспокойства за тебя, я решила его не посылать. Нам не дано понимание друг друга. От всей души молюсь за тебя, но не о том, разумеется, о чем ты просишь. Молюсь Силуановой молитвой: «Господи, пошли мне смирение и научи мое сердце быть всегда угодным Тебе». Это моя любимая молитва. Если бы ты могла молиться так же, кто знает, может и пришло бы понимание взаимное. Но — ничего нет труднее

смирения. Для меня, по крайней мере, это так. Дай Бог тебе смирения. Дай Бог тебе мира, да просветит Он твое измученное сердце. Будь здорова. З. А.

Г. С. Бедная Сашенька, слишком трудна тебе оказалась наука. Сама же просилась в ученицы — а теперь что делать? Проще всего — бросить ученье. Сама признала наш уровень подлинности побольше твоего. Что же ты теперь упираешься на своем? Переход с уровня на уровень — трудное, мучительное дело. Иногда не менее трудное, чем новое рождение. Наш собственный уровень — не такой ж большой. Но сталкиваясь с бóльшим, мы вдумываемся и иногда меняем свое мнение...

Впрочем, зачем тебя учить? Только мучить. Будем взаимно вежливы — и не будем мучить друг друга. Г.

З. А. *Июль 1992. Москва.* Сашенька, милая моя! Не могу тебе сказать, как часто обращаюсь к тебе, как мне беспокоит за тебя и как чувствую боль твою. Помочь тебе я ничем не сумею, поэтому в отчаянье бросила писать. Но мне самой сейчас до такой степени плохо, что передать этого не могу. Поверь, я хорошо знаю, что такое богооставленность. И в своей богооставленности всегда помню тебя и говорю с тобой своими бессильными, ненужными тебе словами. И вот не могу не написать тебе еще несколько слов. Я не бью тебя. Я тебе беспредельно сочувствую. Но... впрочем, скажу тебе только одно. Знаешь, чем я жива? Вспоминанием истины, которую беспрестанно забываю, но вспоминаю снова, и только тем жива. Эти воспоминания, как прерывистое дыхание. А вспоминаю я вот что: все, что нам делают, все, что с нами делается, — сон и навредить душе не может. Действительное зло — это только то, что мы, что я сама делаю. Все, что пришлось терпеть и тебе, и мне, и близким твоим не может навредить душе. Оно незначимо для души. А значим только ответ души. И если душа молчит, она даже если и умрет — воскреснет. А я жива только постольку, поскольку моей кричащей душе удастся вновь и вновь замолкнуть.

Если бы я причастила тебя хоть к одной минуте молчания души, я была бы счастлива. Я бесконечно чувствую твою боль. Но если бы ты так же чувствовала мою... Только тогда мы бы встретились. Понимаешь, все, что с нами делается — сон, а явь — это только то, что мы делаем. Если бы ты услышала это! Не сердись на меня за мое бессилие и эти строчки. Обнимаю тебя. Твоя Зина.

З. А. *Декабрь 1992. Москва.* Здравствуй, Сашенька! Получила твое письмо и поняла, что отвечать не могу. Мы не понимаем друг друга. И с этим надо смириться. Во всяком случае, мне. И мы так мало можем!.. Так ничтожно мало! У меня сейчас великое горе. С одним бедным-бедным, довольно крепко связанным со мной человеком стряслась великая беда. Страшная. Страшнее не бывает. А я ничем, ничем не могу ему помочь. Да, да — «прозрачная стена, прочнее которой ничего нет». Он м. б. больше всего на свете любил мои стихи и верил в мою душу. Я остаюсь тоже такой, какую он любит, в какую верит. Но я ничего, ничего не могу сделать для него. У него в душе сейчас предельный мрак. И я не могу передать ему ни капли света. Кажется, могу только растратить весь свет и погрузиться в его мрак. И этого нельзя. Знаю. И кричу. И бьюсь об стену. И стена остается стеной. Нет, мне не перейти ее и ничего, ничего не передать сквозь нее. И, наверное, бывают положения, в которых нельзя вообразить, что можешь передать. И нельзя — об стену лбом. Это грех. Этот человек в последней степени ужаса. Вполне сравнимо с Ларисой. Надеюсь крепко, что ты не в последней. Но и тебе очень-очень плохо. А я признаюсь в своем полном бессилии Я ничего, ничего не могу. Единственное, что пока еще не совсем разрушено, что все время восстает из пепла, как

только прикасается к Божьему Дыханию, — это то, что ты называешь музыкой моей души. Но и перед ней не открывается «прозрачная стена». Здесь есть тайна. Открытая тайна. Но говорить о ней бесполезно. А, может быть, и грешно касаться ее словами.

Это письмо не требует ответа. Нам обоим очень плохо по обе стороны прозрачной стены. Будь здорова и держись, если сможешь. Зина.

П. С. Единственное, во что прошу поверить, что мне самой невероятно сверхсильно больно. И каждая капля твоего света — это пластырь на мою рану. А твоя боль — умножение и продолжение моей.

Г. С. *Декабрь 1992. Москва.* Сашенька, нам не дано предугадать, как наше слово отзовется. Я написал и действительно так думаю, что ты не умеешь мыслить, как философ, как богослов. Ты мыслишь, как романист. Это я мог бы сказать и о Льве Толстом. Начиная рассуждать, он превращает свое психическое состояние в отвратительную теорию (в «Крейцеровой сонате», в приложении к ней). Но собственно «Крейцера соната» — художественное произведение (хотя и не из лучших). Я не думал и не думаю, что Толстой дурак или ты дура. Я по-прежнему очень высокого мнения о талантливости «Если Ты есть», что очевидно предполагает ум автора. Но не ум мыслителя.

Могу тебе признаться, что я считаю не умеющими мыслить 99 % нашей интеллигенции — к примеру, Д. С. Лихачева (т. е. действительных интеллигентов, а не шушеру). Статья Д. С. «О русскости» в «Новом Мире» (кажется 1980) — превосходный образец элементарных ошибок в широких теоретических обобщениях. Как правило, люди мыслящие (но не мыслители) произвольно выбирают постулат и делают из него более или менее грамотные логические выводы. При разговоре о человеческом (которое в постулаты не укладывается) это приводит к логике софизма «Негр»: Негр черный? Да. Совершенно черный? Да. Следовательно, зубы у него тоже черные. Существует детерминированность судьбы? До какой-то степени да, следовательно, все предопределено. Но «наука доказала» не только то, «что души не существует» (Олейников), она доказала и периодические переходы от детерминированности к бифуркации, т. е. к периодам индетерминированности, когда решает либо случайность (в мире вещей), либо (если она есть) свободная воля. После акта свободной воли начинаются следствия, которых (до нового водораздела) нельзя избежать. Предопределение, Раскольников убил старушку — и дальше ряд необходимых, неизбежных для него звеньев. А потом опять бифуркация и покаяние. После покаяния стрелка подвинута, судьба изменена. Ты можешь привести (и приводишь) тысячу примеров, когда судьбу не удалось изменить. Но ты не доказала мне, что в какой-то миг не был пропущен момент бифуркации, ты этого не знаешь. Где-то, при каком-то усилии воли повернуть можно было. Иногда просто не повезло, так бывает. Кирпич на голову упал. Вторгся случай. Но мир задуман с возможностью свободного поворота, и твоя воля должна быть повернута к этой возможности. А остальное надо предоставить Богу.

Поверь мне, Сашенька, есть некая иерархия ума, и ты должна подчиняться ей. А не замыкаться в детской обиде, что тебя не признают мыслителем. Повторяю еще раз: в талант твой я верю. Г.

Г. С. *Январь 1993. Москва.* Деточка, я не сразу ответил тебе — болел. После гриппа воспаление легких. Постепенно прихожу в себя. Никакой катастрофы в отношениях я не вижу, есть кризис, вызванный твоим писательским самолюбием. Маяковский говорил, что он одного лишь не может выносить: если его последнее стихотворение считают хуже предпоследнего. Так и ты, целиком вложив себя в текст, не можешь вынести, когда его воспринимают как-то не так. В последнем письме твое сопротивление

пошло на убыль — возможно потому, что текст уже не такой свежий, не сегодняшний. Но есть и вспышки агрессивности: раз тебя не признают мыслителем, то и ты отказываешь мыслителям (всем!) в признании: они дураки, решившие на ходулях перейти океан. Это кто же? Сократ? Паскаль? Кьеркегор?

На ходулях хочет перейти океан однозначная логика. Выбрала принцип — и пошел! Такая логика господствует в праве (*fial Justitia, perent mundus*: да здравствует закон и право — хотя бы мир погиб). Но философы так не мыслят. Для философа всегда налицо два принципа, проблема несовместимости двух принципов — например, предопределенности и свободы воли — и поиски совмещения, гармонии. Это именно то, к чему я тебя все время зову: не исходить из одного принципа, не пытаться на ходулях перейти океан. Набрать факты, подтверждающие заранее выбранный принцип — это логика действующего лица в трагедии. Но в трагедии другое действующее лицо с другим принципом, подбирает другие факты — и выходит диалог, и в диалоге просвечивает нечто более высокое, чем однозначная логика. Назови это как хочешь, но тебе надо понять, что однозначная логика, подсказанная настроением и страстью — еще не философия, и по отношению к философии тебе надо начинать с Сократа: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Тогда — с этой позиции — можно что-то понять и чему-то научиться. Еще не поздно в твои годы. Тут не в уме дело, а в чем? Подумай. Может быть в смиренности? Желаю тебе в новом году спокойствия духа и способности учиться. Зина передает тебе привет и благодарит за красивую открытку.

З. А. Июнь 1993. Москва. Сашенька, дорогая! Получили твою бандероль. Очень рада, что тебя напечатали. Но то, что меня побуждает писать сейчас же, немедленно (хотя отправлять бессмысленно почти, ибо ты уезжаешь), это твои последние стихи от 2-го мая. Это не то, что оцениваешь, это то, на что откликаешься немедленно всем сердцем. Как тело — на луч, на воду, на ветер, так душа на духовную подлинность. Это удивительно подлинно, а потому бесконечно талантливо. Талант это то, чего мы почти не замечаем, как дыхание. Ничем не разбавленный талант это жизнь без примеси чего бы то ни было не живого. Ни рассуждений, ни обоснований. Ни самых блистательных теорий все они опровержимы, ибо СДЕЛАНЫ. А истинное вибрирует каждой своей жилкой и — несудимо. Ибо — живое. Высказываться о нем, как о литературном произведении — кощунство. Но именно оно-то — живое — и есть истинное произведение.

Я знаю, что обязана сказать что-то еще. Более того — мне есть, что сказать. Но я не могу сейчас. Сейчас — все мое сердце завибрировало навстречу твоему. И только. Но для меня не может быть большего отзыва на то, что пишу я. И потому ничего не скажу больше. Дай тебе Бог сил выбраться из твоего карцера. И — действительно «Давай-те вместе. Враг наш — Гантунгр, архитектор этих стен — наш общий враг». Благодарю тебя за доверие. Обнимаю тебя, Зина.

Г. С. Сентябрь 1993. Москва. Милая Сашенька, мы не торопились отвечать, потому что ты находилась где-то в русских просторах, невесть где. Впрочем, мы все с сочувствием. Статья о теософии⁹ в основном повторяет то, что у меня где-то хранится в Москве (некогда было разыскать и сверить). Твои обвинения выглядят убедительно, однако нельзя ли обвинить в чем-то подобном любое (почти любое) вероисповедание? Где личность не подчиняется группе? Где личная ответственность не подавляется коллективным разумом? Массовые религии делают это вяло, но они и доброе внушают вяло. А вот секты... Если бы ты нас спросила до того — до своего увлечения теософи-

⁹ Речь в статье шла о теософской школе Алисы Бейли, в которой я «обучалась» несколько месяцев в 1991 году. Статья резко критическая.

ей — мы в общих чертах, без подробностей, сказали бы тебе сразу в искушениях сектантства: теософского и антропософского, баптистского и адвентистского. Большие религии, типа католической, практически допускают больше личной свободы, а еще больше — позиция нас с Зиной, в общем поле всех мировых религий, ориентируясь в основном на христианство постольку-поскольку (в христианской стране и христианский язык общедоступен), но не боясь черпать и из других колодцев.

Особая черта той секты, где ты была — скучный язык Алисы Бейли. Я пробовал читать — и бросил. Зина — тоже. Мы оба считаем, что бедность стилистическая — признак безблагодатности. Но ведь это было ясно с первого чтения. А ты продолжала свою игру, кажется, полгода.

Тебе, кажется, хочется сразу двух противоположных вещей: разработанного духовного пути и совершенной личной свободы. Это совместимо только в одном случае: если свобода перестает быть возможностью выбора и становится только возможностью бесконечной любви к одному, навсегда выбранному. Сущность свободы в аду — возможность выбора другого. Возможность выбраться из ада. Сущность свободы в раю — отказ от выбора другого (другое по отношению к раю — путь в ад). Ты дошла, допустим, до Зиной. И я дошел. Я дошел в 1960 году и остановился, и остался с Зиной. Ты дошла — и захотела другого. Тут речь идет не о возможности или невозможности брака, мое узнавание Зиной было вначале чисто духовным, пол не имел значения. Важна возможность остановиться и строить колодец вглубь, строить дорогу в рай. Ты не умеешь останавливаться. И пока ты не научишься останавливаться, тебя будет крутить и крутить адский вихрь. Сейчас, кажется, он стал менее интенсивным, ты больше способна к остановке, и твое письмо говорит о часах и днях спокойного созерцания. Каждый день становится полноценным, если в нем находится точка покоя. И тогда ты освобождаешься от своей обреченности вихрю. Обстоятельства могут помешать покою, но они не могут его дать. Точку покоя надо найти и взять. Ира (покойная моя первая жена) рассказывала мне, что в Ташкенте, в эвакуации, среди вздыбленного быта и с младенцем (родившимся 3 декабря 41 года) она находила тот внутренний покой, когда шла (куда-то далеко) за молоком для ребенка. В эти часы она принадлежала себе. У Иры была удивительная способность находить точку покоя даже на железнодорожной пересадке. А о том, чтобы ее печатали, она просто не думала. Единственная книга, которую она успела написать, вышла на прилавки магазина в день ее похорон. Я многому от Иры научился и еще большему от Зиной (углубляя то, что накопил раньше). Ничего лучшего я и тебе не хочу. Обнимаю тебя.

3. А. Октябрь 1993. Москва. Письмо твое застало меня (нас) перед самым отъездом в Коктебель. Не имею ни минуты времени, но написать хоть несколько строк не могу. Письмо твое меня больше, чем обрадовало. Не знаю, как это сказать — почти бальзам на рану. Если ты поверишь, что я сейчас почти сплошная рана, то и передать тебе не могу, как этот бальзам мне нужен. Все в этом письме как-то духовно точно, как будто какие-то кости души, что ли, вдруг встали на свои места. И вот ведь что (и это главная тайна): каждый сдвиг был и моей болью, каждое восстановление — и мне исцеление. Я не преувеличиваю ни на йоту. Поверь.

Всё, что о Диме¹⁰, тоже точно и верно. Но... то, что он хочет в больницу, а ты бежала, как от ада — вот главная разница. И это так бесконечно удручает. Писала бы и писала сейчас, но надо прервать. Целую тебе очень крепко. Зина.

¹⁰ Дима — сын-подросток Ирины, одной из самых любимых духовных детей и моей близкой подруги. В 14 лет он заболел психически (депрессия) и настоял, чтобы его положили в психиатрическую больницу. Лечение не помогло.

Г. С. Милая Сашенька, Зина написала про главное, мне осталось прибавить о житье-бытье. Выходит, наконец, книга о Цветаевой, вчера принесли сигнал. Тираж всего 1000, но возможно повторят. Скоро выйдет (так говорят) моя книжка «Собирание себя», из лекций, прочитанных в 1991 году. Много откликов на главы из «Записок гадкого утенка» в «Знамени» 7–8, глава 1 будет в «Звезде» (№ 10 или 11). Еще готовится выпуск «Русского богатства» с моими эссе и зиниными стихами и поэмами. Там будет и 7-я глава «Записок», 4-я в «Новом времени», скоро, м. б. и 9-я. Все это хорошо, а кругом тошно. Я далеко не в восторге от Ельцина, но от Хасбулатова тошнит и приходится выбирать, как Кандиду между шпицрутенами и виселицей. В любом случае ничего хорошего вблизи не светит, разве — не очень плохо. И надежда — на Нику и ее сверстниц. И на тех папаш и мамаш, которые к нам прислушиваются. Их немного, но они есть. В последнее время нас стало передавать Российское радио. И Зину, и меня. Спонсоры тоже появились. Тиражи небольшие, на нашу большую страну — капля в море, но ведь соли нужно не так много, как мяса, чтобы посолить одну щепоть. Вот я и думаю, что к совершеннолетию Ники уже будем хлебать солоно (в каком смысле? Право, не знаю. Нечаянно вышел каламбур). Я очень рад за твое нынешнее. Обнимаю тебя. Г.

Г. С. Октябрь 1993. Москва. Милая Сашенька, мне хотелось бы начать с ответа на богословскую часть твоего письма¹¹. О жизни в Коктебеле и о том, как мы преодолели тревогу 3.10, может быть, расскажет Зина. Если нет, я припишу.

Мне кажется, ты смешиваешь троичность с триипостасностью. Брама, Вишну и Шива — три функции одного лица Троицы — первое: творение, сохранение, разрушение. Второе лицо появляется в аватарах Вишну: Рама, Кришна. Думаю, что к более глубокому уровню подходит скорее деление на Нергуну Брахмана и Сагуну Брахмана. Сагуна — с гунами с нитями, из которых соткан мир. Ближе всего это делению на трансцендентное (Нергуна) и имманентное (Сагуна). То же у китайцев: неименованное Дао объемлет именованное. Нашел и в Евангелии: всякому простится слово на Сына, не простится хула на Святого Духа (Лука). То есть воплощенное становится ниже Духа, не имеющего постижимой формы. Может ли Дух воплотиться и в женственное, и в женщину? Разумеется, может, но на другом уровне. Дао само по себе не мужское и не женское (а только именованное и неименованное), оно одно мыслится как Одно, дальше появляются Два: инь и ян. И чем дальше вниз, тем больше роль эротики. Шакти играет большую роль в аватарах (Сита, особенно — Радха и другие подруги Кришны), а у Вишны? — кто, кстати, не припомню. То есть там, где отчетливо различаются уровни нисхождения божеств в мир, деление на мужское и женское появляется (или, во всяком случае, усиливается) в аватарах. Шива — не в счет: в нем не различаются уровни, он сам себе верх и низ, у него не аватара, а лила мурти, облики игры, и потому в Шиве оргиастическое и аскетическое тождественно.

Что касается женского или мужского грамматического ряда, то это пережиток примитивного сознания. Перенос эротических различий в глубину божества, по-моему, пережиток язычества. В чем, однако, никакого демонизма не вижу. Язычество допускает демонизм (как, впрочем, и любая религия), но не тождественно демонизму. И не грех исправить ошибку даже любимого мной Даниила Андреева. Ипостаси — внутри Од-

¹¹ Речь в моем письме шла о «Розе мира» Даниила Андреева, книги, очень для меня значимой. Г. С. в одной из статей назвал ошибкой философа-мистика его положение о том, что одна из ипостасей божественной Троицы имеет женственную природу. Мне захотелось возразить...

ного, а инь и ян — уже два. Ты права, по-моему, только в том, что первая и третья ипостаси могут быть отождествлены.

Что касается эзотерики, то там ужасно много игры воображения. Помню, читал я в теософском самиздате про встречу автора с Лаоцзы, китайца с длинной косой, в котором нетрудно было узнать Лаоцзы. Ношение косы, однако, не китайский, а маньчжурский обычай, и был введен в Китае династией Цин (через 2000 с лишним лет). Другой случай: эзотеричка (не помню, Блаватская или Рерих, кажется, первая) увидела, как распинали Христа. Оказывается, римские солдаты уклонились от этого и заставили распинать своего Спасителя одного из приговоренных к казни евреев. То есть мадам увидела то, что сидело в ее русской голове: «Жиды Христа распяли». Любопытно, что у Анны Безант (тоже имевшей видение, подробностей не помню), такого не было: у нее не было тех же предрассудков. Современная эзотерика полна таких казусов. Это куча, в которой попадает жемчужное зерно, но выбирать надо осторожно.

Был ли другой философ-поэт-мистик? Да их много было в Индии. Подойдет и Ибн Араби (суфий, его Зина переводила). И Рильке. И сама Зина. Все Веды (особенно Ригведа) — это философия-поэзия-мистика.

Все это ничуть не умаляет гения Андреева. Но ты разбудила во мне эрудита, и я ответил тебе по мелочам. По сердцу — я просто чувствую, глядя на рублевскую Троицу, Одно в облике трех, а в тримурти не чувствую. Одно в облике некоего возвышенного круга, если хочешь — одно в облике хоровода, доведенного до чистого символа. Прости занудную ученость.

Про Коктебель. Вечером 3-го октября я предложил Зине помолиться и успокоить свой ум. Все равно — иным мы горю не поможем. После этого стали ложиться спать. И тут вдруг Зина увидела (внутренне), что все будет хорошо. Примерно 40 минут к ней рекой прибывало это чувство, потом мы заснули. Обнимаю тебя. Г.

Г. С. Апрель 1994. Москва. Милая Сашенька, ты романтик по натуре и сама идешь навстречу риску. Я это понимаю, мне самому после войны скучна жизнь без всякого риска, и некоторый риск в моей политической жизни был не только нравственной потребностью, но чисто психической. Я, впрочем, не лез туда, где буду без славы бит (например, в физическую драку), но в словесных «играх Марса» (как называл это Влад Соловьев) не избегал опасности и несколько раз балансировал на грани ареста. Чего, впрочем, не случилось. Тебя тянет к мистическим приключениям. От этого эксперимент, о котором ты рассказывала в книге, от этого — уже войдя в наш круг — зигзаг в теософию, и вот сейчас эти маги¹². Дай Бог, Ника выздоровеет. Но ты напоминаешь мне человека примерно моих физических сил, лезущего в драки с уличными мальчишками. Духовная глубина, которую ты хочешь, приходит, когда приходит, или не приходит, когда не приходит. Прости за почти бессмысленную фразу, но смысл ее в том, что я стараюсь что-то делать, не испытывая беспокойства от того, что Зине дано больше, и опираясь на ее опыт и опыт других, когда не хватает своего собственного. Мне достаточно того, что я пытаюсь жить открытым Богу. А Его я не тороплю. Впрочем, это никому не указ. Я животное другой породы.

Тебе, по-видимому, нужны эксперименты еще от писательской жилки. Побывать в теософах, а потом написать о них. Одна американка, этнограф, вышла замуж за людоеда, чтобы лучше понять обычаи людоедов. Александр Мелихов обсуждал этот случай в своей прозе.

¹² Маги, о которых речь, — очередной мой «мистический опыт»: встреча с двумя контактерами — поэтессой и учительницей литературы. На них вышли неизвестные астральные сущности, вещающие об устройстве мироздания, а также рассказывающие всем желающим детали их прошлых воплощений.

Мирозерцание, которое ты изложила в последнем письме, нам понравилось. Но в какой мере это окончательно? В какой — страница из жизни героини?

Здесь, в Москве я натолкнулся еще на одного неудачника — философа. Лет, как и тебе примерно, 35. С моей легкой руки журнал «Человек» взял его эссе, несколько страниц. А написано горы. Вы разные, но общее — нестандартность, потребность во внутреннем поиске и неумение найти себе удобную нишу в обыкновенной жизни. Сами вы выбрали свои несчастья или Бог вас выбрал для какой-то своей цели — вопрос неразрешимый. Я спорил с твоей концепцией предопределения не потому, что силы предопределения нет, но потому что одновременно действует сила свободы, а в твоих построениях периода кальвиновой ереси действовала логика одного принципа. Может быть, и звезды что-то значат в нашей судьбе. Но не поверю ни одной теории, в которой нет места для свободы. Во всяком случае, спасибо за твои расчеты. Осенью я покажусь врачу, и тогда решится, будут меня резать или нет. Обнимаю тебя.

З. А. Сашенька, родная! Письмо твое очень хорошее, но ты пишешь о каком-то потерянном письме периода октября-ноября и неоконченном споре, а я помню наше последнее свидание 8 января на елке с твоей замечательной доченькой и погасший, затонувший спор. Как хорошо, когда мысли молчат, а сердце говорит. Да, все наше призвание — это рост души — до ее первоначальной (заданной ей, задуманной о ней) меры, т. е. Безмерности. И только тогда — чистая совесть и покой, который однако же отдается (на лечение или на съедение всем беспокойным).

Ты прекрасно написала о монахе, забывшем свой обет. Но ведь если забыл, то как бы и не давал. Ведь выбор наш делается не единожды, он повторяется каждый миг, всей душой. Я не когда-то 35 лет назад выбрала Гришу, я его выбираю каждый день, каждый час из всех 5 миллиардов одного. Я каждый день выбираю Бога, несмотря на то что этот выбор означает крест, т. е. прохождение через распятие. Я кричу: «Зачем Ты меня оставил?» Но оставить Его не могу, не хочу. Это немисливо, это больше, чем оставить самое себя. Целую тебя. Пусть от всего нашего разговора останется только говорящая елка и ее (и моя) нежность к тебе и милой твоей лапочке. Дай ей Бог здоровья. Твоя Зина.

Г. С. Июнь 1994. Москва. Милая Сашенька, ты — как всегда очень талантливо высказываешь идею, которая тебя захватила, но я все-таки сделал еще одну попытку переменить твою литературную судьбу. Перечитал (по дороге в Коктебель и в Коктебеле) и вставил разбор его в свою статью наряду с разбором наиболее нашумевших напечатанных романов и повестей, особо оговорив о крайней произвольности — что печатать и чего не печатать. Поможет ли — не знаю.

В Коктебеле нас поджидала неожиданность: 10 мая Зина вдруг потеряла сознание, упала, разбив себе лоб. Крови вытекло очень много. От удара очнулась, я довел ее до медпункта, там смерили давление — оказалось гипертонический криз, 200 на 130. Отвезли в Феодосию, зашили рану, три дня лежала в номере — том у моря на лежанках — потом опять стали гулять. Силы быстро восстанавливались, и в итоге — только шрам на лбу и решимость заняться своим здоровьем, пойти по докторам.

Не помню, писал ли тебе, что другая Зинина поклонница дала деньги на издание сборника Зининых стихов, в 1000 экз, нужно было всего 600 долларов а у этой женщины доля в бизнесе ее брата (они украинцы по происхождению, и им прислали из Канады). Макет у нас был готов, друзья сделали, и книга уже в типографии. У нас дело идет сейчас само собой. Меня тоже издают. Надеюсь, что твой импульсивный, страстный и пристрастный роман пробьет оборону судьбы или обстоятельств или инерции

бытия... За неудачи надо благодарить: это школа. Я своим неудачам благодарен. Обнимаю тебя. Сердечный привет от Зины.

П. С. Вдруг — шальная мысль: поменял бы я свои нынешние успехи на твой возраст? Начать все сначала? Безусловно! Литературную судьбу взял бы с легким сердцем. Г.

Г. С. *Октябрь 1994. Москва.* Милая Сашенька! Как ни странно, меня шокировало только название твоей статьи¹³ (еще один парадокс!). А все аргументы оказались убедительными, во всяком случае — стоящими размышления. Ты, однако, кое-чего не учла. В казни есть не только казимый. Есть палач. На что ты обрекаешь душу палача? Подумай. Душу палача и душу судьи. А если — судебная ошибка? Посмертная реабилитация? Напиши послесловие и ответь на эти вопросы.

С Зиной все оказалось не так страшно. Главное — каждый день иметь при себе тонометр. Зина боялась лететь в Швейцарию, я ее уговорил — и теперь она счастлива, что слетала. Уже снижаясь над Альпами. Зина сказала, что если будет авария и мы разобьемся, то эти 20 минут над горами (она сидела у окошка) стоят преждевременной смерти. Но мы приземлились аккуратно и жили в Альпах две недели. Огромный номер на 5-ом этаже с балконом с крутым спуском к озеру, напротив — французские Альпы, справа — даль озера (оно 100 км в длину) и прибрежные городки (Монтри, Веве — там окончили свои дни Набоков и Чаплин. Зина написала 43 стихотворения, жаль — публика была по большей части не русская. Только одна пожилая дама, родившаяся в 20-х на рейде Севастополя (мать ее разродилась, едва поднявшись на военный транспорт), расплакалась, слушая, и поцеловала Зину. Это было индивидуальное чтение. Публично Зина выступала с переводчиком, но лицо и интонации голоса доходили и без перевода. После ее выступления в пленарном заседании г-н Маккензи, посол Англии в Америке, показал ей по-русски два больших пальца. Я пытался в небольшом кругу говорить по-английски, не трудясь использовать прошедшее время и с другими упрощениями, но на семинарах и в пленарном заседании тоже с переводчиком. Зина говорила, что от такой интенсивности общения она бы в Москве лежала пластом, а здесь силы прибавлялись. Бывали очень интересные разговоры. Семинары наши были — о природе человека, а сближении религий, еврейско (иудейско)-христианский диалог, встреча русскоязычных, и наконец мой семинар, где я делал доклад, 20 мин + 20 мин перевод, о мировом кризисе развития. Потом полчаса вопросы и обсуждения.

Зина в своем выступлении сказала, что Горный дом — обратное подобие Вавилонской башни: здесь все языки соединяются в единый Божий язык (на это ей и показали два пальца).

Приехала еще одна гостья, и я кончаю. Будь здорова и целуй Нику. Ее песня прелесть. От Зины большой-большой привет. Г.

¹³ Статья называлась «Слово в защиту смертной казни».